

Инна ЧУРИКОВА:
«МОЯ ВЕРА В ЛЮДЕЙ НЕИСТРЕБИМА»

Инна ЧУРИКОВА

Актриса. Родилась в г. Белибей (Башкирия). 1961 г. – дебют в кинофильме «Тучи над Борском». 1965 – выпускница Театрального училища им.Щепкина. Актриса Московского ТЮЗа. С 1973 – актриса Театра им. Ленинского комсомола (с 1990 – театра «Ленком»). 1991 – народная артистка СССР. 1996 – лауреат Государственной премии РФ. Лауреат премий: Ленинского комсомола (1976), «Ника-91»), «Триумф» (1994), «Кинотавр» (1994), «Хрустальная Турандот» (1997).

Награды международных кинофестивалей: «Золотой лев Св.Марка» (Венеция, 1971), «Серебряный медведь» (Западный Берлин, 1985).

Театральные спектакли: «Тиль» (1974), «Иванов» (1975), «Гамлет» (1977), «Оптимистическая трагедия» (1983), «Три девушки в голубом» (1985), «Мудрец» (1989), «Sorry» (1992), «Чайка» (1994), «Варвар и еретик» (1997), «Город миллионеров» (2000), «Овечка», «Старая дева» и др.

Художественные фильмы: «В огне брода нет» (1968), «Начало» (1970), «Прошу слова» (1976), «Тот самый Мюнхгаузен» (1979), «Васса» (1983), «Военно-полевой роман» (1984), «Мать» (1990), «Плащ Казановы» (1993), «Курочка ряба» (1994) и др.

– Мне кажется, что Вы – одна из последних интеллектуальных актрис не только России, но и мира. Расскажите, пожалуйста, как Вы работаете над ролью? В чем секрет Вашей невероятной естественности на сцене?

– Я специально ничего не делаю. Для меня существует конкретная судьба персонажа, моя судьба, все сливается воедино. Получается образ.

– Какая роль для Вас сейчас была бы интересной?

– Да разные... Я обдумываю предложение режиссера Светланы Дружининой, которая уговорила меня сыграть роль Анны Иоанновны, хотя я сомневаюсь. Мой ли это образ? Не знаю... Анна Иоанновна женщина грубая. Ограниченная. С примитивным мировоззрением. Я сейчас изучаю то время. Ту эпоху. Пытаюсь понять тогдашнюю психологию. И мне это дается нелегко.

– Но ведь в современной России сейчас тоже происходят достаточно

сложные процессы, своего рода становление новых отношений. Все это может помочь Вам в работе над ролью?

– Нет, нынешняя Россия, и Россия XVIII века – две разные страны. Для нашего времени гораздо более понятной была бы, скажем, Екатерина II. Она практична, умна, любит стихи, общалась с философами. Пыталась найти какие-то новые пути для развития страны.

– Но, может быть, Вам поможет любовная линия в судьбе Анны Иоанновны. И, оттолкнувшись от нее, Вы придете и к линии политической. Ведь в жизни все связано. И зачастую не напрямую.

– Конечно, женщины в то время активно амурничали. И царицы тоже. Но Анна Иоанновна, как политический деятель, как человек, была довольно ограниченной. И это мне мешает в понимании роли. Здесь для меня как актера важна личность персонажа, а не политика.

– Но ведь царица, это не только личность, она – воплощение политики?

– Актер вне зависимости от того, кого играет, зависим не от политики, его ведет драматургия. Вот, если вы берете Эдуардо де Феллиппо, там одни проблемы. Если Чехов, «Чайка» – это совсем другая история. И окружающая действительность в этом не играет значительной роли. Все зависит от текста пьесы.

– Но то, что Вы делаете – безумно современно. Попадание абсолютно точное. Ведь играть, не ощущая пульса нынешнего мира, просто невозможно.

– Не все так просто. Конечно, то, что ты, как актер, говоришь сейчас, как-то передает современную для тебя жизнь. То, как ты ее понимаешь, как чувствуешь. И в то же время, важно принять и то время, в котором существуют твои образы. Чехов писал в XIX – начале XX веков. И герои «Чайки», они все оттуда. Еще не знают того, что со всеми нами было. Чем стал для России XX век. Они не знают, а я знаю...

– Но все равно то, что сто лет назад писал Чехов, гораздо современнее того, что пишут многие нынешние драматурги. Он передает глубинную жизнь души. Души, которая всячески забивается трудностями жизни. Гонкой за деньгами. Суесть...

– И в то же время, нравственные чувства, которые мы видим у Чехова, проблемы, которые он поднимает, гораздо глубже тех, с которыми мы сталкиваемся сегодня. Я не люблю современной вульгарности. В то время этого не было. Люди XIX века отличаются от людей конца века XX. Это другой мир. То же и с эпохой Анны Иоанновны. Ее Россия в корне отличается от современной.

И. Чурикова и Н. Караченцов в спектакле «Город миллионеров»

И от России XIX века, России Чехова тоже. У каждой эпохи свои законы. Их надо чувствовать и знать. Иначе в ролях не прозвучит голос времени. Получится неправда. В работе над ролью, в пьесе Чехова, меня не интересуют политические проблемы. Меня волнует любовь матери к сыну. Моей героини Аркадиной к Константину.

– При этом присутствует и Ваша любовь к Вашему собственному сыну. К Вашему Ване?

– Конечно. В истории Чехова я вижу и свою личную историю. Так всегда бывает. Но тут мой материнский опыт противоположен тому, что я должна показать со сцены. Аркадина – абсолютная эгоистка. Человек, который живет лишь собой. Я бы не хотела быть такою. Но, когда я играю Аркадину на сцене, я понимаю, что она, это и я тоже. Хотя все время чувствую, что на ее месте вела бы себя по-другому. Равовалась бы успехам сына. Сопереживала... Но при этом я знаю, все то, о чем пишет Чехов – правда. И как бы мне ни хотелось в этом признаваться, роль Аркадиной, в какой-то мере это и моя исповедь.

– Ваши роли в кино, хотели Вы этого или нет, но сформировали мировоззрение целого поколения. Многие девочки, мои ровесницы, воспитаны на фильме «Начало» с Вашим участием. Этой работой Вы в какой-то мере изменили их внутренний мир. Как это у Вас получилось?

– Не знаю, как и ответить... Могу сказать только, что на меня фильмы, спектакли тоже часто производят сильное впечатление. Воспитывают и меня тоже. Но я не могу сказать, что это влияние надолго.

– Ваши герои – очень тонкие, ранимые люди. А Вы сами? Как Вы ощущаете себя в современной России? Защищены ли Вы своей слабой, своим талантом?

– Нет, абсолютно. Люди у нас в стране не защищены никак. И я тоже.

– Что делать, чтобы изменить ситуацию?

– Ответом будут довольно банальные слова – человека должны защищать законы, а они у нас не работают. Если бы мы все были защищены законом, то мы чувствовали бы себя гораздо более свободными.

– На спектакли с Вашим участием всегда приходит много людей. Видите ли Вы, что публика стала другой? Изменилась ли она за последнее время?

– Мне трудно сказать, что публика изменилась. Правда, когда у нас в 91-м начиналась эта замечательная новая жизнь, когда мы охраняли Белый дом, верили в демократию, тогда у зрителей на многое была очень острая реакция. Правда, и сейчас зрители очень тонко на многое реагируют, не менее эмоционально, чем тогда. Публика меняется не от года к году, она меняется от спектакля к спектаклю. Бывает более яркое восприятие, бывает – приглушенное. Но, может быть, дело не в зрителях, а в

нас, актерах. В том, что мы не всегда точно проживаем свои роли на сцене. Или вся беда в солнечных протуберанцах. Магнитных бурях. Ведь не зря же говорят, по радио, по телевидению, пишут в газетах, сегодня опасный день. Те, кто имеет проблемы с сердцем, принимают лекарства. Не перенапрягайтесь... Возможно, это же состояние передается и залу. Хотя обычно то, что происходит на сцене, будит зрителей. Они становятся другими. Как-то взбадриваются. Оживают.

– И тот же эффект пробуждения, который Вы наблюдаете в зрительном зале театра Ленком, передается всем, кто смотрит Вашу игру в кино?

– Я не думаю об этом. Мне интересно погружаться в образы разных героев. Ведь каждый человек – это загадка. Разгадать его мир, привычки, темперамент, судьбу – это для меня самое интересное. Остальное, и я об этом уже говорила в начале нашего разговора, получается без моего желания. Помимо воли.

– Во власти ли актера сделать нас немного лучше, сильнее, свободнее?

– Не знаю. Просто, несмотря на то, что вокруг так много говорится, до чего может дойти человек в своей низости, несмотря на все те ужасы, которые нам

Сцена из спектакля «Sorry»

И. Чурикова и О. Янковский в спектакле «Все оплачено»

постоянно показывают на телеэкране, моя вера в людей неистребима. Все, с кем я общаюсь, дают мне такую веру.

– Вашему сыну 26 лет. Наверняка у него много друзей. Как Вы относитесь к современной молодежи. Симпатична ли она Вам?

– Там тоже есть разные люди. Я не совсем понимаю, когда они «балдеют» от той музыки, которую слушают. Есть другие сложности. Но молодые для меня все равно очень интересны.

– Но ведь у них были совершенно другие, чем у старших поколений, возможности самореализации. Они многое знают, многое читали. Для них нет такого понятия, как «запрещенная литература», нет «глушилок» на радио, нет «самиздата».

– Среди молодежи есть много тонких, интеллигентных людей, на которых можно положиться. Но есть и просто «растения». Все, как всегда. Хотя, сегодня в большинстве своем молодые люди практичные, эгоцентричные, жесткие, сконцентрированные на себе, своих интересах. И очень одинокие. Не допускающие в свой внутренний мир посторонних. Часто они говорят так: «Если это надо для дела, то можно наступить».

– Наступить?

– Да. На человека. И так думают вполне нормальные молодые люди. Серьезные. Приятные. Образованные.

– У нас создано немало общественных организаций, которые помогают незащищенным группам населения: старикам, бездомным, детям-сиротам. Как Вы думаете, это движение может изменить ситуацию в стране? Можем ли мы сами что-то изменить в своей жизни? Так ли мы беспомощны, как себя ощущаем?

– Думаю, что сбиваться в группы, стайки и собирать деньги детям, конечно, благородно, дети нуждаются в поддержке. Старики тоже. Но ведь куда у нас ни посмотришь, все не прибрано. Взять тех же бомжей. Когда мы уезжали с Курского вокзала, думала, как дойти до поезда? Потому что нищие там сидят на батареях. Греются. Им негде жить. Негде

В спектакле «Город миллионеров»

В кругу семьи

спать. Это такая заброшенность. Кругом такая грязь. Мы ехали в Днепропетровск. На дворе XXI век, поезд СВ, но ни один туалет не работает. Две тетki-проводницы, не успели отъехать, залегли спать. И знать ничего не желают. А билет, между прочим, в один конец стоит 100 долларов. Я говорю одной из проводниц: «Почему за такие деньги и такие условия?». Она мне: «Не понимаю, зачем вообще нам дали этот вагон». И такое чувство, что всем на все наплевать. Что ни только у бомжей, ни у кого нет дома. Ведь мы все хотим, чтобы у нас в квартире было красиво. Так? То же и в мире. В стране. В жизни. Если это понять, тогда, может быть, что-то и изменится.

– Но ведь можно при этом помогать и бомжам, и детям...

– Да, конечно. Но даже если ты решишься помогать детским домам, все равно придет отчаянье. Ведь ты не сможешь ничего сделать. Любой чиновник станет тебе мешать. Любой! И все силы у тебя уйдут на борьбу с ним, с этим чиновником. И ни на что другое уже не хватит.

– Но можно делать, хотя бы малое.

– Да. Например, вынести старую одежду. Повесить на мусорные баки. Ее сразу расхватывают неимущие. Можно отнести в храм. Можно... Например, на Западе существуют специальные помещения, где складывается ненужная, но новая, чистая одежда. Добротные вещи. И любой, кто находится в сложной жизненной ситуации, беде, у кого нет работы, может найти там для себя поддержку. Взять игрушки для своих детей. Получить бесплатный обед. Да, вы правы, действительно, если душа болит за ближнего, нельзя опускать руки. Надо работать. И у нас в России, конечно, тоже. Но просто я в последнее время не очень верю публичным политикам. Больше обычным людям. На них надеюсь.

– Есть ли у Вас какое-то хобби, увлечения помимо сцены?

– Сейчас так много работы, что о хобби не может быть и речи. Но есть мечта: на новогодние праздники побродить по лесу, покататься на лыжах, позволить себе немного насладиться природой. И, если у меня это получится, я буду молодец. Мне это очень нужно.

Записала Елена ГРИГОРЬЕВА